

18+

ДЕВУШКА, СПОСОБНАЯ НА УБИЙСТВО

Арина Рудникова

Арина Рудникова

Девушка, способная на убийство

«Автор»

2026

Рудникова А.

Девушка, способная на убийство / А. Рудникова — «Автор»,
2026

В илиндорскую историю Софи Хоккет вошла как исполнительница громкого политического убийства, однако мало кто знал, что ей движет на самом деле.

© Рудникова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие. Взгляд извне. Тетрадка	5
Пролог. Казнь. Два взгляда	8
Часть 1. Безупречное остриё	10
Часть 2. Владельцы ножа	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Девушка, способная на убийство

Предисловие. Взгляд извне. Тетрадка

Где-то в мире есть старая, оборванная тетрадка — опустелая, как труп после прозекторского ножа. Ничего не осталось в ней, кроме двух листов, да и тех вложенных. Первый весь исчёркан, даже порван кое-где, он весь запятнан кляксами, почерк там острый, бисерный, а линии букв уходят то вверх, то вниз. На втором листке написано то же самое, только без помарок, очень чисто и ровно. И почерк там иной — гладкий: круглые буковки жмутся одна к другой, поигрывают парадными завитками.

Это стихотворение — длинное, злое, не слишком правильное. У него несколько названий. На первом листе все зачёркнуты. На втором — стоят аккуратным списком в самом верху страницы.

Вот эти названия, сверху вниз, если верить второму листку (на первом они изгибаются, идут кругом, примыкают друг к другу так, что нельзя их выстроить по порядку):

«Красный бой»;

«Революции час уж бьёт»;

«Флаг внутри»;

«Остриё революции» (слово «остриё» подчёркнуто дважды и несколько раз обведено).

Конечный состав и, главное, порядок строф по первому листку определить крайне сложно. Это черновик — хаотичный и весьма неряшливый. В нём четверостишия перехлёстываются, теснят друг друга, а слова исправляются иногда по пять-десять раз. Кажется, что второму листку предшествовали ещё два-три, на которых дешифровщик кропотливо, по строчке, восстанавливал стихотворение из разбросанных по первому листу осколков строф.

Результат, конечно, вызвал бы вопросы у многих. Стоило ли стараться ради такой поделки?.. Достоин ли результат усилий?..

Вот что стройным, каллиграфическим почерком выведено на втором листе:

Ну же! Крепче! Сильнее! В ад их!
Революции час уж бьёт!
Бьёт наотмашь — рукой, прикладом
И гранёным штыком в живот!

Битых стёкол, обломков груды.
Не тревожься ты ни о чём,
Бей сильнее — и веруй в чудо,
Пусть кровавый гнев бьёт ключом!

Бьётся жилка на шее вражеской —
Ты её распори, раскрой!
Наше знамя — внутри у каждого,
Развернёшь их — изменишь строй.

Что ты медлишь? Давай же! Ну же!
Распори её! Разорви!
Затяни жгут на сердце туже
И сверши этот акт любви!

Если слаб, и в душе — преграда,
Всё dokonчат и без тебя.
Революцию делать надо
Только так, только так — любя!..

Из любви родилась идея —
Та, что жжёт города, сердца.
Семя красное в сердце сея,
Ты ступаешь на путь жреца.

Без оглядки жрец служит вере
И готов принять смерть в костре.
Для него это не потеря,
А лишь жертва на алтаре.

Бей, круши и кромсай без жалости —
Вот наш лозунг и наш девиз!
Знамя царственной обветшалости
Сбитым лебедем рвётся вниз.

Красной радости вихрь бешеный.
Мы с тобою — плечом к плечу,
Не расстреляны, не повешены!
Как флаг по ветру, я лечу!..

Ты единственный, кто владеет
Мной навек. Я тобой полна.
Это ясно, как не имеет
Счастье — смысла, а горе — дна.

Милый, милый! Возьми скорее
Меня в руки, ведь я твоё,
Без сомнений — я лгать не смею —
Безупречное остриё.

Мы с тобою навеки вместе —
Рвёмся в битву, врагов разя.
Наш бой выше морали, чести.
Нам с тобой отступать нельзя.

Свист, и мимо — шальная пуля.
Из тебя вытекает флаг.
Хриплый стон — и к тебе бегу я.
Всё должно быть не так! Не так...

Я стою над пустой могилой —
Твой туда опускают гроб.
Нас с тобой прожевало, милый,
Это время жестоких проб.

Я лечу — как по ветру знамя,
Рвано бьётся тепло в груди.
Знаю: гнить мне в такой же яме,
Так чего мне тогда щадить?..

Пролог. Казнь. Два взгляда

То, что осталось от дяди и его семьи, хоронили в закрытых гробах. Сильвии страшно было думать о том, что ещё недавно содержимое этих ящиков весело проводило время на её шестнадцатом дне рождения. Эдди, её маленький кузен, делился с ней конфетами и поджимал губки, рассказывая про свою ссору с другом. А теперь он в земле уже больше месяца. Его тело, должно быть, сгнило. Но его душа всё ещё *где-то там* — ведь так?.. А когда его с родителями в заколоченных гробах опускали в одну могилу, Сильвия втайне благодарила Бога, что весь этот ужас случился не с ней и её отцом.

Но самое жуткое — Сильвия встретила с их убийцей однажды и запомнила её. Они столкнулись в дверях, когда служанка несла корзину выглаженного белья в господские комнаты. Больше ни у кого Сильвия не видела таких синих глаз, взгляд которых остриём вонзался в душу... А чуть позже синеглазая прачка пронесла бомбу в одной из таких корзин.

Её казнь была публичной. Сильвия с отцом тоже стояли в толпе инкогнито вместе с другими родственниками Джеральда Стейтона. Тогда было пасмурно и казалось, что вот-вот хлынет дождь. Отдалённый гром катился по железным крышам, точно колесо по булыжникам мостовой. Гроза проходила мимо, но люди вокруг с беспокойством всматривались в небо, и в их гомоне слышалось что-то тревожное. Шум толпы сливался с воем ветра, изрезанного телеграфными проводами.

Когда преступницу вывели из полицейского экипажа, у неё были завязаны глаза, но она всё равно подняла голову, словно хотела взглянуть на небо. К помосту её не пришлось тащить, как это часто бывает на казнях: она шла бесстрашно и даже охотно. Её разбитая нижняя губа опухла, а потому в презрительной усмешке было что-то жалкое. Под виселицей с женщины сняли повязку, и Сильвия увидела, что взгляд у синих глаз совсем не тот, что был прежде. Тогда он хищно блестел затаённым лезвием, а теперь сиял — лихорадочно, ясно, как клинок при переплавке, который сознаёт свою участь и бросает всего себя в этот свет.

Когда она остановилась под петлёй, стало видно, что её бьёт крупная дрожь.

Что-то новое добавилось к презрению в улыбке, и обжигающим дождём на площадь хлынули слова.

— Думаете, я боюсь вас? Или боюсь смерти? Я знала, что меня повесят. Вам кажется, что вы меня казните, но я сама пришла на эшафот.

Спешно, будто в страхе, ей накинули петлю на шею, а лицо сокрыли под мешком.

Полицейский зачитал приговор, облизнул губы. И махнул палачу.

— Я ни в чём не раска... — успела она крикнуть прежде, чем палач затянул петлю.

В этот миг отец развернул Сильвию к себе и зажал ей уши, но она всё равно слышала щелчок распахнутого люка.

А дальше она помнила только, как пробиралась с отцом через притихшую толпу.

Во время казни на самой кромке толпы стоял человек, и у него — единственного, пожалуй, на всей площади — сжималось и болело сердце. Однако он не отворачивался и не пытался закрыть лицо руками — напротив, он смотрел очень внимательно, боясь упустить какое-то движение, жест, может, какую-то фразу. Он сам не знал, чего ждёт, но знал, что должен смотреть. Для него было очень важно запечатлеть в памяти последние минуты казнимой, ухватить этот росчерк метеора — единственный и неповторимый росчерк.

Сама террористка не уронила ни слезинки, а он беззвучно плакал, глядя на неё.

Это странное чувство — когда у тебя на глазах выходит жизнь из знакомого человека. Вот ещё он дрожит, дышит, ёжится под холодным ветром, и кажется, что всё можно исправить. Но вот миг — падение — и человек уже висит, недвижимый, пустой, как тетрадка с вырванными

листами, и ты не знаешь, как относиться к этой новой, обездушенной вещи, заменяющей теперь то, что имело мысли и чувства всего секунду назад.

Её мысли и чувства он знал, понимал их гораздо лучше, чем другие её знакомые, ведь он был её тетрадкой, её конфидентом. Они встретились довольно давно, и с тех пор он успел узнать о ней больше, чем знала даже она сама.

Этот человек не был её возлюбленным. Возлюбленного Софи повесили год назад, но к тому моменту уже ничто не связывало их и она даже не пошла на его казнь. Не был этот человек ей и другом, хотя он бы назвался именно так, пусть и знал, что Софи его таковым не считает. Он был для неё бессловесной игрушкой, с которой она когда-то делилась мыслями, потому что ей нужен был слушатель, а он хотел её слушать.

Часть 1. Безупречное остриё

Она прошла мимо, прижимая к груди пару книг.

Курсистка.

Ещё с весны студенты Химико-фармацевтической академии вовсю обсуждали открытие женских курсов, но Чарли пропускал эти разговорчики мимо ушей. Он не имел какого-то мнения на этот счёт, да и не был он человеком, чьё мнение хоть кого-то заботило. Его часто брали в компании для довеска, и на дружеских сходках он в основном молчал. Мысль о курсистках не вдохновляла его. Ему казалось, что женщина-химик должна быть длинной, востроносой, высохшей, как коряга, дурнушкой или и того хуже — крикуньей, которая любой разговор сводит к женскому вопросу, да ещё и трещит без умолку. Поэтому он не разделял восторги товарищей, полные смутных томлений, а порой — и откровенной похоти, о которой самые бесстыжие из студентов трубили на всех углах. Цинизм вообще был модной и потому весьма чтимой чертой, позволяющей обрести репутацию в их первобытном братстве. Однако Чарли не был циник и к женщинам относился с опаской, а его знакомство с ними заканчивалось редкими визитами к проституткам, где непонятно, чего было больше: наслаждения или стыда.

За каникулы Чарли даже умудрился забыть о курсистках и потому опешил при виде девушки, выходящей из академического сада.

Тогда он стоял у ворот и курил, а когда она проскользнула мимо в своём чёрном платье, Чарли поперхнулся дымом. Давешние разговоры мелькнули в его голове, он выкинул сигарету и по внезапной причуде решил проследить за девушкой. Чарли не успел разглядеть её профиль, но ему понравилось её тело и чёрная, под стать платью, коса, а ещё походка — бойкая, уверенная, быстрая, но при этом слегка раскачивающаяся. То была походка женщины, знающей себе цену и, быть может, слегка распутной.

В представлении Чарли все уверенные в себе женщины втайне были распутны.

Незнакомка прошла полквартала и села в трамвай. Чарли хотел уже броситься за ней, но в последний миг передумал и вернулся домой, однако мыслями он то и дело обращался к девушке. Отчего-то эта молчаливая погоня взволновала его.

Через три дня он увидел незнакомку возле одного из кабинетов. Чарли узнал её сразу по платью, косе и ещё каким-то приметам, непонятным даже ему самому.

Он не мог с ходу сказать, красива она или нет. Она была слишком бледной, анемичной даже, с тонкими бескровными губами. Чёрное платье не шло ей, превращало её в ворону. Не по-женски густые брови добавляли грубости чертам, и даже расслабленное лицо незнакомки казалось исполненным недовольства. Но глаза... Её глаза сияли, как два сапфира в оправе длинных, пушистых ресниц. Красивее глаз Чарли ни у кого не видел.

С тех пор он стал охотиться на неё в академии и тайком провожать её до трамвая. Они сталкивались в дверях, на лестницах, каждый день он шёл за ней в столовую и садился прямо за её спиной. Очень скоро он вычислил, что за лекции и семинары она посещает. Только имя оставалось загадкой. Точно так же, как он, эта девушка ни с кем не общалась. Её товарки сдружились и всюду ходили стайками, а она всё время была одна.

Если бы у него спросили, зачем он преследует её, Чарли не смог бы ответить. Но каждый раз, когда он наблюдал за ней тайком, его сердце заходило в тревожном, покалывающем, словно ток, удовольствии.

Однажды при входе в трамвай курсистка замерла на последней ступеньке и вдруг, развернувшись, соскочила с подножки в грязь. Чарли хотел ретироваться, но она подошла к нему быстрым шагом и грозно сказала:

— Ну?!

На миг ему стало страшно. Он впервые стоял к ней так близко. Было пасмурно, в воздухе витала морось, и капли оседали у неё на щеках и ресницах. Она смотрела на него возмущённо, и крылья носа у неё дрожали от гнева.

— Ты трус, тебе это известно? Почему ты не подошёл ко мне сам?

Чарли молчал, а она, скривившись, процедила сквозь зубы: «Ничтожество...» — и побрела на трамвайную остановку, но тут же вернулась.

— Если есть что сказать — говори. Если нет, тогда я запрещаю ходить за мной. Ну? Скажи хоть что-нибудь!

— Как ваше имя? — спросил он глупо, а она расхохоталась чуть не в истерике: непристойно, громко. Чарли заметил, как на них обернулись люди на остановке. Но курсистке, кажется, было всё равно.

— Идём, — отсмеявшись, сказала она вместо ответа. — У меня есть вопросы по рацематам. Надеюсь, ты учишься хорошо, Чарльз Фаррел. Ну, чего встал? Удивлён, что я лучший филёр, чем ты?.. Едем ко мне. Познакомлю тебя с родителями.

Тогда Софи впервые использовала Чарли, пусть пока что и вполне невинно. Её родители беспокоились, что их талантливая, независимая дочка опять, как и в гимназии, не сможет завести друзей, и Софи, уставшая от их причитаний, дала им то, что они хотели видеть.

Они приняли его очень радушно: поили чаем и расспрашивали про жизнь, про семью. Его мать с сестрой жили в другом городе, и Чарли уже несколько месяцев не ходил на почту. Он часто думал об этом, но странная апатия, владевшая им, каждый раз останавливала его. Он знал, что будут письма, много писем, но он не хотел их видеть — до злости, до отвращения. Суетливо-кроткий образ матери почему-то стал ему неприятен.

— Защищайте её, — говорил Аластар Хоккет с ласковой улыбкой, а Софи ухмылялась в кружку. — Берегите мою девочку от её порывов. Она станет великим учёным, но не дайте ей забыть про себя. Может, это земное, докучное, но много ли может эфир, дух без тела? Всем нам, смертным, нужна какая-то почва. А моя попрыгунья всё от почвы оторваться норовит. Однажды она выбежала на снег босиком, потому что увидела лисицу.

— Не помню такого, — сказала она весело и взглянула Чарли в глаза.

— Мы тогда гостили у моей кузины, под Силфордом. Софи было шесть. Заклинаю, хоть вы, как друг, не давайте Софи бежать босиком по снегу. Проследите, чтобы надела сапожки.

Он вообще был очень трогательным, её отец — этот стареющий дворянин с привычками ребёнка, этот нищий мечтатель, ни капли не кичившийся своей породой и работавший в банке на скромной должности.

Дочерью он восторгался безмерно и баловал её — конечно, насколько мог. Всё в его доме и жизни принадлежало Фифи, его драгоценной малышке. Он до сих пор видел в ней дитя — серьёзную и вдумчивую крошку, которая когда-то карабкалась к нему на колени с книжкой в половину собственного роста и властно говорила: «*Ситай!*»

Рядом с ним в Софи появлялось стеснённое и будто бы слегка драчливое, но всё же заметное глазу тепло. Уже тогда, в первый день знакомства, Чарли его увидел.

Это было ему так же ясно, как и то, что Софи презирает мать. Если забота отца вызывала у Софи улыбку, то на замечания матери она всегда отвечала колко. Эта слегка полноватая, приземлённая женщина, склонная говорить невпопад и потому приученная молчать, была лишней в обществе мужа и дочери. Её мало ценили и ещё меньше слушали. Аластар Хоккет не замечал её и общался с ней лишь по делу. В его жизни она играла в лучшем случае роль экономки, а между тем именно на ней держался весь быт их семьи. Однако вряд ли Софи и её отец задумывались над этим — это было бы слишком мелкой темой для их умов. Они обсуждали науку и искусство, делились мнениями, но стоило только матери, этой ходячей мебели, открыть рот, как кто-нибудь из них осаживал её, говоря, что неплохо бы выпить чаю. Они не

хотели тратить время на неё, потому что её суждения казались им примитивными. И Бланш Хоккет, в глубине души с этим согласная, служила мужу и дочери, точно двум божествам. Вернее, служила она только мужу, но тот поклонялся Софи и требовал от своей рабыни приверженности тому же культу.

Сама по себе же мать относилась к Софи без пиетета и даже считала нужным иногда её поучать. Вероятно, поэтому Софи на неё постоянно злилась: для неё было немыслимо, как существо, стоящее ниже её буквально во всём — презренная, безмозглая нематода — смеет читать ей морали.

Софи не была похожа на родителей ни лицом, ни манерами. Чарли даже думал вначале, что она не их родная дочь. Но потом, приглядевшись, он понял, что ей достались отцовские устремления и вместе с тем — материнская приземлённость. Софи была из тех желчных людей, что хотят стремиться к большому и значимому, но вокруг из-за трезвости своей видят только мелкое и ничтожное. Такие люди сами зовут свои романтические желания вздором и сами их топчут — насмешливо, напоказ, с людоедской почти жестокостью.

Когда они с Чарли встретились, Софи ещё пыталась с этим бороться. Десятки, сотни образцов были разложены перед ней, и она испытывала их агрессивными кислотами, из которых по большей части и состояла оболочка её души.

Как-то раз она спросила Чарли:

— Ты случайно не знаешь... — Чарли готов был услышать обычный вопрос, но никак не тот, неуместный, внезапный. — Не знаешь... зачем мы живём?

Её голос звучал очень блёкло, и день за окном был точно таким же — туманным и пасмурным. Тогда они сидели в столовой после занятий. С задумчивой брезгливостью Софи ковыряла свекольный салатик, и её губы от него были ярко-розовыми.

Чарли, конечно, ей не ответил.

Он не знал, для чего он живёт.

Это было в начале их знакомства, той самой осенью. Оглядываясь назад, Чарли думал, что у них с Софи было мало солнечных дней.

Или, может, они оба не замечали солнце.

— Думаешь, я смогу стать учёным? — спросила она тогда же. Видимо, Софи и сама не слишком-то в это верила уже в первый год. Чарли сказал, что у неё несомненно есть талант, и её губы взбешённо дрогнули. Разумеется, таланта было недостаточно, в особенности для женщины.

Он вообще не любил отвечать прямо, и порой это злило Софи. Сама она не трудилась подбирать слова и почти всегда была похожа на оголённое лезвие. Чарли манил его блеск. А ей нравилось его ранить — словесно.

Она со смехом выведывала всё самое сокровенное. Обычно Чарли отмалчивался в ответ на её вопросы, но Софи всё угадывала. Однажды она заставила сводить её в бордель и познакомить с женщиной, которую Чарли снимал когда-то.

Та была грубой, большеносой, с визгливым смехом, режущим уши, как пила. Чарли выбрал её, потому что она сама подошла к нему и ему тогда было неловко отказывать. А после она каждый раз здоровалась с ним как со своим клиентом, и он обречённо шёл с ней, втайне её ненавидя. Он хотел, чтобы она заболела и умерла.

К счастью, у неё были чёрные волосы. С некоторых пор он всегда разворачивал её спиной и представлял Софи на месте этой шлюхи.

Связи с ней он стыдился. В этом заведении вообще все были на редкость некрасивы, однако лучший бордель он не мог себе позволить. Он и так экономил на еде.

Чарли ждал прилюдного унижения и скандала, но в тот день Софи была на удивление приятна. Проститутки окружили её, а она в чадном свете болтала с ними о какой-то чепухе, исполняла им их любимые песни на расстроенном пианино, отвечала на тупоумные шутки, и

очень скоро все женщины в заведении были решительно в неё влюблены. На щеках Софи играл лёгкий румянец, на губах расцветала улыбка, а глаза оживлённо сияли. Никогда ещё Чарли не видел её такой прелестной.

Но больше всего внимания она уделяла его неуклюжей шлюхе. С ней Софи обращалась особенно мило, если не сказать галантно, и даже один раз обняла её за плечи, будто старую подругу.

Но вот клиент, не заставший прихода Софи, подошёл к ней с известным намерением. Она тогда рассмеялась ему в лицо и объявила, что с неё впечатлений хватит.

— Какие вульгарные женщины, — задумчиво сказала она уже на улице. — И тебе они нравятся?

— Нет.

— Значит, ты просто животное, раз снизошёл до них. Знаешь, статус человека очень просто теряется. Теперь любой, кто снизойдёт до тебя, станет животным тоже. Что, других женщин у тебя не было, да, Чарльз Фаррел? Я бы тоже не стала твоей. У тебя безвольный рот и глаза как у кролика. Леди такое не по вкусу. Вообще-то быть животным неплохо, но надо быть хищным зверем. А всех прочих женщины давят. Вот так.

Она каблучком нарочито вдавила окуроч в землю. Примерно тогда Софи втайне от родителей начала курить. Чтобы скрыть это, она в уборных полоскала рот розовой водой, но от неё всё равно едва ощутимо пахло. Наверное, дома она отговаривалась тем, что вокруг неё много курят.

После этого разговора Чарли стал отращивать бороду. Софи сначала смеялась над ним, но потом перестала.

Борода ему шла.

Вообще Софи любила его мучить и всегда находила повод. Она много читала и часто просила Чарли высказаться по какой-нибудь философской проблеме. Это было своего рода пыткой, и он думал, что в такие моменты Софи просто хочет к нему придраться. Вне зависимости от содержания его слова подвергались жестокой, даже издевательской критике, а когда Чарли пытался промолчать, Софи сердилась и оскорбляла его. В своей злости она была похожа на капризного ребёнка, разве что ногами не топала. Один раз, когда он превратно понял её позицию, Софи запустила в него томиком Бренгера, а после заставила его клеить отошедшую обложку.

Она относилась к нему как к игрушке или, быть может, рабу.

В тот период Софи не раз эпатировала, высказываясь в пользу рабства. Она сама делила людей на касты, но не по расе или происхождению, а по уму и таланту. Себя она, конечно, причисляла к касте господ, а вот Чарли такой чести не удостоился.

Тогда они часто ссорились, но Софи никогда не извинялась и не шла навстречу первая. Она словно забывала о Чарли на время и везде ходила одна, а когда он, сломавшись, подсаживался к ней в столовой, она заговаривала с ним так, словно и думать забыла о ссоре. Однако довольная улыбка выдавала её.

Уже тогда в ней чувствовалось беспокойство, пока ещё затаённое. Сила, которую она ощущала в себе, была слишком необъятна для химических курсов. Софи не знала, куда себя применить.

— Я нож, который лежит на столе в комнате без дверей и окон. Ох, если б ты знал, как мучительно и как плохо быть тем ножом! — вырвалось у неё как-то раз, когда она нервно расхаживала по гостиной, заложив пальцем книгу.

Софи хотела служить, но не знала, чему. Со временем эта глухая, безысходная жажда приняла в ней форму чуть ли не мании. Она искала кумиров в ученых и скандальных мыслителях прошлого, однако стоило ей изучить биографию очередного героя, как тот превращался из гения в обыкновенного свина, и Софи с досадой забрасывала его труды.

— Это всё потому, что я женщина. Будь я мужчиной, мне было бы довольно того, что служат мне, — ворчала она. — Мужчины куда примитивнее, и им проще. А мне нужен тот, кто меня растопчет.

Конечно, это была не более чем фигура речи. Софи сама превентивно топтала всё, от чего не отворачивалась с безразличностью в первые же секунды. Перемалывать учения, устраивать вивисекцию идей было так же естественно для неё, как завтракать и обедать.

Она была похожа на серную кислоту, которая жаловалась, что в ней не водится рыба. Чарли это казалось забавным, но он молчал, боясь, что за такую насмешку Софи ему отомстит — например, подменит ему реагенты так, чтобы он остался без пальцев.

На свете была лишь одна несовершенная вещь, которую Софи Хоккет впустила в душу, минуя обработку в агрессивной среде своего всеразрушающего ума. Аластар Хоккет, этот чужак и фантазёр, имел к дочери доступ в обход всех её бастионов.

Чарли помнил один хрустящий, снежный, ломкий от мороза день. Белое солнце светило сквозь облака, как сквозь тюль, заставляя шуриться. Тогда он с семейством Хоккетов поехал на Заречную кататься на санях с залитой льдом деревянной горки. Они проделали это много раз, а потом пили терпкий сбитень, который там продавали женщины с круглыми обветренными лицами, красными, как грудки снегирей. Тёплый травянистый пар сладко окутывал нос и оседал на усах, и те мигом слипались сосульками. Стоило Аластари с Софи отогреться, как они затеяли игру на краю поля, где снег не был так истоптан. Они носились среди берёз и бросались снежками, а после с хохотом повалились в сугроб, сбивая друг с друга шапки и не слушая причитания Бланш. Но когда Софи вскрикнула, что ей снег забился за шиворот, Аластар Хоккет враз прекратил возню. В его жиденьких волосах таяли белые комья, он тоже вымок, но пёкся лишь о том, чтобы его дорогая Фифи не заболела, не застудилась. Он подрядил извозчика отвезти их в ближайший трактир, чтобы дочь его там могла согреться. По дороге Аластар Хоккет попытался отдать ей ещё и свой шарф, но Софи не взяла, и это сразило Чарли. Она всегда принимала дары легко, будто весь мир был ей должен, и никогда не считала себя обязанной, не задумывалась о том, чего стоят эти дары. А тут Чарли впервые увидел, как она пожертвовала собой. Пускай в мелочи, но для эгоцентричной Софи то был жест великой заботы.

Чарли тоже мечтал пройти по маленькой тропке, ведущей вглубь её отлично охраняемой души. Иногда ему даже удавалось на неё ступить, но Софи тут же обрушивала землю под его ногами, и он летел в пропасть.

Если Софи ненароком касалась его пальцев или задевала Чарли коленом, она отдёргивала руку или ногу так спешно, будто тронула слизня. Чарли до глубины души обижала эта жестокая, непонятно чем вызванная щепетильность. Сам он хотел прикоснуться к Софи, и её безразличная неприступность будила в нём злобу. Много раз он воображал, как наказывает Софи за это, как он женится на ней, чтобы её изнасиловать.

Чарли знал, что Бланш Хоккет привлекает его как дежурного жениха Софи, если той не подвернётся партия удачнее. Но вот Аластар Хоккет видел в нём её друга, и только. Он не стал бы неволить дочь. А поскольку Бланш не имела над мужем власти, Чарли в их семье ловить было нечего. И всё же он продолжал уделять Софи почти всё свободное время, и её влияние на его судьбу лишь росло. Он не мог из этого вырваться. Софи и её жизнь затягивали его, как воронка. Раньше он следовал за толпой, потому что ему было всё равно. А Софи отвела ему роль, подарила движение, вдохнула жизнь в его сонный мир, где Чарли дрейфовал без руля, качаясь на волнах дремы.

Его жизнь подле её семьи длилась больше года, пока не произошло одно примечательное событие. Ни Софи, ни Чарли его не ждали, и оно обрушилось на них, словно небо.

Незадолго до этого Софи окончательно растворила всё и осталась стоять в растерянности на уродливо оголившейся планете.

А тогда и планета ушла у неё из-под ног.

Умер её отец. И не просто умер — он покончил с собой.

Дело в том, что Хоккеты были бедные. Очень бедные. Несмотря на дворянское звание, они жили во флигеле в тесной, скудно обставленной квартире из трёх комнат, почти не принимали гостей, а из прислуги держали лишь кухарку. Но даже этот уровень жизни они поддерживали с трудом. Чарли привык, что к чаю здесь подают только сушки и каменные печенья, о которые впору зубы сломать. Бланш Хоккет вертелась неустанно, она выгадывала на всём — на воде, керосине, дровах, она жёлчно бранила кухарку, если та при закупке продуктов не могла выбить скидки у лавочников. Но ещё пуще Бланш злилась на мужа, виня его в том, что он транжирит приданое дочери, выбрасывает его на какую-то блажь — на химические курсы! Изначально мать Софи отнеслась к ним даже отчасти благосклонно, не особо тая свои материмониальные планы. Но когда оказалось, что из этой академической заводи её дочь смогла выловить лишь дырявый сапог в виде Чарли, разочарованию Бланш не было предела. Всё её отвращение к тесной и нищей, безрадостной жизни теперь было связано со злосчастными курсами. Из-за курсов Софи стала такая несносная, курсы портят осанку и руки, населяют вредными мыслями ум, дарят гадостные привычки вроде курения и вдобавок жрут непомерную часть бюджета, а взамен не дают ничего.

Если Бланш тяготилась положением семьи, то её муж словно не замечал их бедности. Аластар Хоккет мог на последние деньги купить приглянувшуюся книгу, лишив еды и себя, и жену, и только дочь он никогда бы не оставил голодной.

Однажды Чарли и Софи пришли к ней домой, как обычно. Но на том обычность и кончилась: их встретила распахнутая дверь, а за ней люди, много людей. Они захватили квартиру, и казалось, что они всё это время прятались за шкафами и плинтусами, а теперь выползли дружно на божий свет, расправляя и суша противные сетчатые крылышки.

Даже Чарли в тот миг испытал ужас, а о чём подумала Софи, остаётся лишь гадать.

Очень скоро они знали все подробности.

В последние недели в банке проводилась ревизия grossбухов, и на ней вскрылись следы неких злоупотреблений, если не сказать хуже. Злоупотребления те были ничтожны по суммам, но весьма регулярны в последние два года. Фальшивые проводки, выплаты по сомнительным договорам. И все подозрительные записи были сделаны рукой Аластара Хоккета. Пока шла ревизия, он ничего не говорил семье, но когда стало ясно, что те операции без внимания не останутся, он улизнул под каким-то предлогом из кабинета и из здания банка. Его хватились не сразу. По правде, тогда даже не было никаких обвинений, хоть вопросы уже назрели. Но Аластар Хоккет не вынес и этого. Он оставил записку под пресс-папье, где подробно сознался во всём. Не пожелал он назвать только имя сообщника, но оно и так стояло на подделанных документах. Характер и тон записки позволяли предположить худшее — как и то, что отец Софи ушёл из банка в два часа, а к семи его всё ещё не было дома.

Софи с Чарли тогда сидели на бортике ванны. Софи молча смотрела в пол, и казалось, будто она с распахнутыми глазами дремлет. Чарли гладил её по безжизненно ледяной руке, и Софи впервые её не отдёргивала.

Чужие суетливые люди толпились в доме до самой ночи, а потом разошлись. Чарли лёг на диване в гостиной, но долго не мог заснуть, слушая надрывистые грудные рыдания Бланш. Спальня Софи молчала зловеще, но Чарли знал, что Софи не спит тоже и там, за дверью, происходит какое-то мрачное таинство. Он хотел зайти туда, но боялся. Было в этом шаге что-то жуткое и неправильное, как в раскопке свежей могилы.

А на следующий день их навестил полицейский.

Чарли хорошо запомнил это утро — молочно-туманное, стылое. Грязные желтоватые стены, которые превращали большой двор в загон; пёстрые листья в лужах. В такое утро

хочется надеть свитер и выпить что-то тёплое. Чарли за ночь здорово продрог, но стыдился просить вещи вероятного мертвеца.

Софи вышла из комнаты вся помятая, со вчерашней причёской, словно спала в одежде. Полицейский явился, когда они с Чарли вдвоём в безмолвии пили чай.

Аластару Хоккету для смелости нужна была природа, и он уехал за город. Его нашли на дубу у изгороди, опоясывающей поле — видимо, с неё он и спрыгнул. На это указывали покосившиеся в том месте столбики. Наверное, это была весьма и весьма нелепая сцена. Воображать её было бестактно, но Чарли потом ещё долго видел, как Аластар Хоккет балансирует на центральной доске, пытаясь поймать петлю, руки дрожат от волнения, а кренящийся забор превращает в посмешище трагическую кульминацию его жизни.

Отец адресовал Софи письмо. Это письмо нашли у него в кармане и вскрыли, однако в нём не было ни слова о преступлении. Поэтому полицейский смог его передать.

Весь его недолгий визит Софи дышала сипло, короткими астматическими рывками. Зато глаза у неё были сухи. Чарли даже подумал бы, что она спокойна, если бы не её дыхание.

Когда полицейский ушёл, она подбежала к печке и затолкала в топку нераспечатанное письмо.

Отшатнувшись, Софи целый миг глядела на пламя... И вдруг зарычала с тоской, взвыла, рухнула на колени. Голыми руками полезла в самый жар. Чарли бросился к ней, но она уже схватила конверт и кинула на пол, ничуть не страшась пожара. И всё же, когда она сбила огонь, от письма мало что осталось. Какие-то глупые, разрозненные слова любви, лепет слабоумного старика — «любимая, гордость, умница». А ниже — тихое, ясное «жаль», отстранённое, как последний проблеск.

Сидя на полу, Софи покачивалась и скалилась беззвучно, комкая этот клочок в обожжённых руках.

Чарли хотел обнять её, но она вскочила на ноги и, попятившись, зашипела:

— Прочь! Пошёл прочь!

Он не ходил к Хоккетам несколько дней. Чарли знал, что он как мужчина и друг должен взять на себя организацию похорон, но у него не было сил на это.

Только спустя неделю он осмелился нанести визит. Чарли собирался прикрыться тем, что ему нездоровилось, однако дома он застал одну Бланш, а та не требовала объяснений. Софи же была на кладбище.

Он нашёл её на скамеечке у могилы. На Софи было то же самое платье, что и в день их встречи, когда он преследовал её до трамвая.

— Явился!.. — сказала она с безучастной едкостью.

Он хотел соврать, но не стал и вместо этого опустился рядом.

— Думаешь, я скорблю? — вдруг спросила Софи.

Чарли смешался и ничего не ответил.

— Я больше никогда не буду любить ничтожество, — сказала она, глядя на голую мокрую землю.

Часть 2. Владельцы ножа

Сложно сказать, когда в её жизни появился Пенкрофт. Он входил в правление банка, где работал её отец. Чарли никогда не видел его в доме Хоккетов, однако на похоронах Пенкрофт присутствовал. История несчастного бухгалтера, который воровал, чтобы оплатить учёбу дочери, разлетелась по газетам, и, чтобы снизить репутационные издержки банка, правлению пришлось признать всё трагической ошибкой славного и достойного человека. В доказательство своей скорби господа организовали похороны и явились на них практически в полном составе.

Пусть Бланш не была цинична, вопрос денег сразу стал для неё первейшим. Леди Хоккет ждала, что правление выделит им с дочерью пожизненную пенсию, однако господа решили ограничиться соболезнованиями.

Много позже, когда Чарли встретился с ним лично, он понял, почему из всех кандидатов мать Софи выбрала именно Пенкрофта в жертвы. Всем своим видом тот производил впечатление рыхлой, ведомой отзывчивости. Бланш правдами и неправдами пыталась выбить из Пенкрофта деньги — и для этих целей употребляла Софи. Разумеется, без задней мысли. Просто юной сиротке отказать всё-таки посложнее, чем давно растерявшей шарм и свежесть вдове. Эти планы и имя Пенкрофта почему-то держались в тайне, и Чарли узнал про них позже, в разгар скандала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.